

УДК 172.12+37.015.31+316.752

DOI: [10.15293/2658-6762.2503.10](https://doi.org/10.15293/2658-6762.2503.10)Научная статья / **Research Full Article**Язык статьи: русский / **Article language: Russian**

Формирование устойчивых нравственных установок школьников: оценка роли факторов здоровья семьи в антикоррупционном поведении

А. Р. Загладина¹, А. М. Бушуева², А. А. Максименко¹¹ НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия² Костромской государственной университет, Кострома, Россия

Проблема и цель. В условиях растущего внимания к проблеме коррупции становится актуальным изучение факторов, влияющих на формирование антикоррупционного поведения начиная с раннего возраста. Семья, являясь первичным агентом социализации, играет ключевую роль в передаче моральных норм и ценностей. Однако влияние социально-эмоционального здоровья семьи на формирование отношения к коррупции остается недостаточно изученным. Настоящее исследование направлено на выявление и обобщение особенностей формирования устойчивых нравственных установок школьников, а также на обоснование роли факторов здоровья семьи в контексте антикоррупционного поведения.

Методология. В исследовании приняли участие 354 школьника (58,5 % девушек и 41,5 % юношей) в возрасте от 13 до 17 лет ($M = 15,86$, $SD = 0,98$). В исследовании был реализован количественный методологический подход, опирающийся на принципы постпозитивистской парадигмы, предполагающей объективную фиксацию и статистическую обработку эмпирических данных. В качестве основного метода сбора информации использовался стандартизированный опрос, проведенный в онлайн-формате, что позволило обеспечить однородность исследовательской процедуры. Анализ полученных данных осуществлялся с применением методов математико-статистической обработки, включающих описательную статистику (для определения общих тенденций и характеристик выборки), корреляционный анализ (с целью выявления статистически значимых взаимосвязей между параметрами здоровья семьи, личностными характеристиками и показателями антикоррупционного поведения школьников), а также модерационный анализ (для оценки влияния третьих переменных на силу и характер установленных взаимосвязей). Такой комплексный подход обеспечил возможность всестороннего рассмотрения исследуемого феномена с учетом индивидуально-психологических и социально-семейных факторов.

Финансирование проекта: Исследование выполнено в рамках реализации проекта Российского научного фонда № 25-28-01362, <https://rscf.ru/project/25-28-01362/> по теме «Исследование социально-психологических предикторов формирования склонности к коррупции и воспринимаемого наказания: роль и значение медиаторов»

Библиографическая ссылка: Загладина А. Р., Бушуева А. М., Максименко А. А. Формирование устойчивых нравственных установок школьников: оценка роли факторов здоровья семьи в антикоррупционном поведении // Science for Education Today. – 2025. – Т. 15, № 3. – С. 201–223. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2503.10>

✉ Автор для корреспонденции: Александр Александрович Максименко, Maximenko.AI@gmail.com

© А. Р. Загладина, А. М. Бушуева, А. А. Максименко, 2025

Результаты. Авторами были выявлены устойчивые статистические взаимосвязи между компонентами здоровья семьи и антикоррупционными установками подростков. В частности, обнаружена положительная корреляция между социально-эмоциональным здоровьем семьи, уровнем внешней социальной поддержки и выраженностью порицания коррупции. Одновременно обобщены данные, указывающие на отрицательную связь между уровнем материального обеспечения семьи и склонностью осуждать коррупционное поведение. Также было обосновано значение личностных характеристик подростков как медиаторов данных связей: установлено, что открытость опыту частично опосредует связь между семейным здоровьем и антикоррупционными установками, а добросовестность выступает посредником в контексте влияния здорового образа жизни семьи. Таким образом, авторы подтвердили значимость семейного воспитания и индивидуально-личностных факторов в формировании отношения к коррупции у школьников, выделив открытость опыту как особенно важную переменную.

Заключение. Развитие антикоррупционных установок у подростков требует комплексного подхода, включающего укрепление семейного благополучия, воспитание критического мышления и развитие самоконтроля. Полученные результаты могут быть учтены при разработке стратегий антикоррупционного образования и воспитания, направленных на укрепление семейных ценностей и формирование устойчивых нравственных установок у российских школьников.

Ключевые слова: здоровье семьи; психологическое превосходство; порицание коррупции; здоровый образ жизни; нравственные установки; добросовестность; открытость опыту; антикоррупционное поведение школьников.

Постановка проблемы

Формирование антикоррупционного поведения у школьников – важная задача современной системы образования и воспитания, поскольку коррупция является одной из ключевых угроз общественному развитию и социальному благополучию. Воспитание честности, справедливости и ответственности у подрастающего поколения напрямую связано с его социальным окружением, в первую очередь – с семьей.

Семья является самой значимой социальной средой для ребенка, оказывая влияние на его ценностные ориентации, моральные установки и поведенческие модели. Важнейшую роль в этом процессе играет состояние здоровья семьи – как физического, так и психологического. Исследования показывают,

что семьи с высоким уровнем благополучия [1], устойчивыми доверительными отношениями и низким уровнем стресса [2] создают условия для формирования у детей осознанного отношения к нравственным нормам и социальным законам [3]. В то же время семейные конфликты [4; 5], хронические заболевания родителей [6; 7], психоэмоциональное напряжение, низкий уровень социальной защищенности и антисоциальное поведение родителей [8] могут способствовать формированию у детей установки на обход правил и поиск незаконных способов достижения целей [9].

В условиях цифровизации и роста информационной нагрузки на школьников особую значимость приобретает роль родителей как примера правового поведения¹ [10]. Если

¹ Петренко Е. Л. Роль семьи в профилактике преступлений и правонарушений среди несовершеннолетних // Вестник "ӨРЛЕУ" - KST. – 2017. – № 2 (16). –

С. 128–134. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30462284>

в семье поддерживаются ценности открытости, честности и уважения к закону, у ребенка формируется стойкое неприятие коррупционных практик. Напротив, если он сталкивается с оправданием взяток, неформальных договоренностей и нарушения норм во имя личной выгоды [11], это может стать основой для толерантного отношения к коррупции в будущем.

Таким образом, изучение влияния здоровья семьи на формирование антикоррупционного поведения у школьников имеет важное научное и практическое значение. Результаты подобных исследований могут быть использованы для разработки образовательных программ, направленных на профилактику коррупции среди молодежи, а также для совершенствования социальной политики, ориентированной на укрепление семейного благополучия и здоровья.

Формирование антикоррупционного поведения у школьников является многомерным процессом, который зависит от взаимодействия различных факторов: личностных характеристик ребенка, семейных условий, школьной среды и более широких социальных институтов. Однако если ребенок сталкивается с рассогласованием ценностей, например, в семье одобряется обход правил, а в школе пропагандируются антикоррупционные принципы, у него может формироваться когнитивный диссонанс, который способствует ситуативной морали [12; 13]. Это означает, что школьник будет применять разные моральные нормы в зависимости от контекста [14; 15]: в школе он может демонстрировать «правильное» поведение, но вне школы – руководствоваться принципом «если можно обойти систему, почему бы и нет?».

Если же семья и школа не участвуют в антикоррупционном воспитании детей, эту роль могут взять на себя блогеры, медиа- и онлайн-сообщества, что не всегда способствует формированию честности и правосознания.

Для эффективного антикоррупционного воспитания важно учитывать взаимодействие семьи и школы, влияние экономической стабильности, культурных норм и изменений в обществе. Без комплексного подхода, охватывающего все уровни социальной экосистемы ребенка, формирование устойчивых антикоррупционных установок остается сложной задачей.

Ненадежная привязанность (избегающая, амбивалентная, дезорганизованная) может способствовать развитию стратегий обхода правил и недоверию к социальным институтам, что увеличивает вероятность коррупционных установок [16]. Например, если ребенок растет в семье, где обещания родителей нарушаются, а нормы непоследовательны, он может воспринимать нечестность как допустимую стратегию.

Дополнительные исследования подтверждают, что дети из семей с высоким уровнем доверия и поддержки менее склонны к девиантному поведению и манипуляциям². Таким образом, эмоциональное здоровье семьи играет ключевую роль в формировании честного поведения у школьников.

Исследования подтверждают, что дети, воспитывающиеся в среде с четкими и последовательными нормами поведения, демонстрируют более высокий уровень социальной

² Mikulincer M., Shaver P. R. Attachment theory expanded: A behavioral systems approach. In K. Deaux M. Snyder (Eds.), The Oxford handbook of personality and

social psychology (pp. 466–492). – Oxford University Press, 2012. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195398991.013.0019>

ответственности³. Кроме того, дети, находящиеся в атмосфере честности и открытого диалога, лучше понимают моральные нормы и реже прибегают к нечестным стратегиям⁴.

Одним из наиболее подходящих теоретических подходов для анализа данной проблемы является *экологическая теория развития личности*, предложенная Ури Бронфенбреннером⁵, согласно которой развитие ребенка происходит в нескольких системах, оказывающих взаимное влияние друг на друга: микросистема (семья, школа, друзья), мезосистема (взаимодействие различных микросистем), экзосистема (например, работа родителей, экономические условия), макросистема (культурные нормы, ценности общества) и хронология изменений во времени (хроносистема).

Микросистема, т. е. ближайшее окружение ребенка, оказывает наибольшее влияние на его личностное и моральное развитие [17]. В первую очередь это семья, которая является первым агентом социализации и задает основу моральных норм. Исследования показывают, что в семьях с благоприятным психологическим климатом, высоким уровнем доверия и здоровыми внутрисемейными отношениями дети реже склонны к девиантному поведению, включая толерантность к коррупционным практикам [18]. В то же время в дисфункциональных семьях (частые конфликты, эмоцио-

нальная нестабильность, низкий уровень заботы и контроля со стороны родителей) с отсутствием проявлений заботы о детях [19] значительно повышается вероятность формирования у ребенка установки на манипулятивные стратегии достижения целей [20]. В таких условиях школьник может усваивать идеи, что успех возможен не за счет честного труда, а с помощью обходных путей, неформальных договоренностей и даже обмана.

У. Бронфенбреннер⁶ подчеркивает, что качество связей между различными микросистемами (мезосистема) играет важную роль в развитии ребенка. Например, если родители взаимодействуют со школой, обсуждают образовательные успехи ребенка, поддерживают школьные нормы и антикоррупционные ценности, школьник с большей вероятностью воспримет такие нормы как значимые.

Экзосистема в теории У. Бронфенбреннера включает в себя те структуры, которые не оказывают прямого влияния на ребенка, но затрагивают его через посредников (например, работу родителей, экономические условия, социальную политику)⁷. Например, финансовая нестабильность семьи может повысить стресс родителей, что приведет к снижению их вовлеченности в воспитание ребенка. Исследования показывают, что родители, испытывающие экономические трудности, чаще оправдывают неформальные сделки, коррупционные

³ Rogoff B., Moore L., Najafi B., Dexter A., Correa-Chávez M., Solís J. Children's Development of Cultural Repertoires through Participation in Everyday Routines and Practices / J. E. Grusec, P. D. Hastings (Eds.) // Handbook of socialization: Theory and research. – The Guilford Press, 2007. – P. 490–515.

⁴ Turiel E. The Development of Morality / N. Eisenberg, W. Damon, R. M. Lerner (Eds.) // Handbook of child psychology: Social, emotional, and personality development. 6th ed. John Wiley Sons, Inc., 2006. P. 789–857.

⁵ Bronfenbrenner U. The ecology of human development: Experiments by nature and design // Harvard University Press, 1979.

⁶ Bronfenbrenner U., Morris P. A. The bioecological model of human development. Handbook of Child Psychology. – 2006. – Vol. 1. – P. 793–828. URL: <https://www.childhelp.org/wp-content/uploads/2015/07/Bronfenbrenner-U.-and-P.-Morris-2006-The-Bioecological-Model-of-Human-Development.pdf>

⁷ Bronfenbrenner U. Toward an experimental ecology of human development // American Psychologist. – 1977. – Vol. 32 (7). – P. 513–531.

механизмы и «серые» схемы как способ адаптации к сложной ситуации⁸. Дети, наблюдающие такие модели поведения, могут воспринимать их как нормальные и даже необходимые. Кроме того, загруженность родителей работой влияет на их способность следить за поведением ребенка, формируя так называемый «отсутствующий стиль воспитания» (absent parenting), который ассоциируется с повышенной склонностью детей к девиантному поведению, включая нечестность и коррупционные установки [21].

Макросистема включает в себя общие культурные установки, нормы, правовые системы и уровень коррупции в обществе. Если общество в целом толерантно к коррупции, а на уровне государственной политики отсутствует жесткая борьба с этим явлением, дети с детства привыкают к мысли, что «все так делают». В странах с высоким уровнем коррупции существует межпоколенческая передача коррупционных установок – родители транслируют детям ценность «связей», важность «умения договориться» и практику «решения вопросов» в обход официальных процедур⁹. В таких условиях, даже если школа пытается формировать антикоррупционные ценности, это часто оказывается недостаточно эффективным.

Последний уровень анализа, хроносистема, предполагает, что все перечисленные влияния изменяются со временем. Например, цифровизация общества меняет характер семейного взаимодействия: дети получают больше информации из интернета и социальных сетей, а родители теряют монополию на передачу ценностей [22].

Анализ влияния семьи на формирование антикоррупционного поведения школьников через призму теории Бронфенбреннера показывает, что этот процесс зависит от множества взаимосвязанных факторов. Здоровье семьи, включающее психологический климат, воспитательные практики и уровень доверия, является важнейшим компонентом, влияющим на восприятие ребенком честности и закона.

Согласно теории привязанности Дж. Боулби [23], качество эмоциональной связи между ребенком и родителями определяет его способность к саморегуляции, доверию к миру и усвоению социальных норм. Дети, имеющие надежную привязанность к родителям, склонны к внутреннему контролю поведения, уважению к правилам и честности.

Кроме того, Л. С. Выготский¹⁰ подчеркивал роль зоны ближайшего развития, согласно которой дети лучше усваивают нормы, когда родители активно участвуют в их обучении и объясняют правила с точки зрения их социальной ценности.

Ж. Пиаже подчеркивал, что переход от гетерономной к автономной морали зависит от семейного воспитания¹¹. Если родители объясняют ребенку смысл правил и их ценность, он осваивает внутреннюю мотивацию к честному поведению. Если же в семье царит авторитарный стиль, коррупционные установки или двойные стандарты, школьник может воспринимать обход правил как допустимое поведение.

Таким образом, работы вышеупомянутых исследователей подтверждают, что семья играет ключевую роль в формировании антикоррупционного поведения школьников. Так,

⁸ Gorski P. C., Pothini S. G. Case Studies on Diversity and Social Justice Education. – Routledge, 2018. – 140 p.

⁹ Ledeneva A. V. Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 327 p.

¹⁰ Vygotsky L.S. Mind in society: The development of higher psychological processes. – Harvard University Press, 1978.

¹¹ Piaget J. The moral judgment of the child. – London: Routledge Kegan Paul, 1932.

эмоциональная привязанность формирует базовое доверие к миру и честность, социальное взаимодействие помогает ребенку усвоить нормы через подражание и диалог, а когнитивное развитие объясняет, как дети осознают справедливость и внутреннюю мотивацию к честности. Здоровая семейная среда, основанная на доверии, последовательных правилах и честном поведении родителей, снижает вероятность коррупционных установок у школьников. В этой связи ключевая проблема заключается не в самом уровне семейного здоровья, а в том, как школьники воспринимают и используют полученные в семье ценности и установки. Это требует переосмысления подходов к воспитанию антикоррупционного поведения, поскольку отношение к коррупции формируется в тесном взаимодействии с личностными характеристиками ребенка и социальной средой.

Целью данного исследования является *выявление и обобщение особенностей формирования устойчивых нравственных установок школьников, а также на обоснование роли факторов здоровья семьи в контексте антикоррупционного поведения*. В контексте данного исследования важно выявить взаимосвязи между состоянием здоровья семьи, личностными чертами подростков (модель «Большой пятерки») и их антикоррупционными установками. Особый интерес представляет то, как социально-эмоциональный климат в семье, доступные ресурсы и стиль воспитания влияют на формирование критического восприятия коррупционных практик.

Методология исследования

Выборка исследования. Опрос проводился в онлайн-формате в период с 25.01.2025

по 14.02.2025 г. среди школьников в возрасте от 13 до 17 лет ($M = 15.86$, $SD = 0.98$). В исследовании приняли участие 354 респондента, из которых 207 (58.5 %) девушек и 147 (41.5 %) юношей. Рекрут респондентов осуществлялся методом снежного кома учителями школ города Костромы по предварительному согласию родителей. Большинство респондентов (86.2 %) проживают в областном центре, 13.8 % – в районных центрах. Чуть менее половины опрошенных (46.0 %) относят себя к «не очень религиозным», а 22.6 % вообще не считают себя религиозными. Довольно много религиозных – 27.7 %, а очень религиозных – всего 3.7 %. Большинство респондентов (60.5 %) оценивают свой доход как средний. Высокий или очень высокий доход отмечают 26.8 %, а 12.7 % считают свой доход низким или очень низким.

Методики. Участники исследования заполнили анкету, включающую социально-демографические вопросы (возраст, пол, место проживания), а также следующие психометрические шкалы: 32-пунктная шкала здоровья семьи [24] (в адаптации Е. В. Забелиной и др. [25]), оценивающая различные аспекты семейного здоровья, включая: социально-эмоциональные показатели здоровья семьи, ресурсы здоровья семьи, здоровый образ жизни семьи; шкала «Большая пятерка» [26] (в адаптации Т. В. Корниловой и др. [27]), оценивающая пять ключевых черт личности: экстраверсию, доброжелательность, добросовестность, эмоциональную стабильность, открытость опыту; 9-пунктная шкала психологического превосходства [28] (в адаптации А. А. Максименко¹² и др.), оценивающая склонность подростков к ощущению собственной исключительности и превосходства над окружающими; 4-пунктная

коррупции: опосредующий эффект воспринимаемого наказания и роль психологического превосходства // Психология и право. – 2025. – № 2.

¹² Максименко А. А., Загладина А. Р., Дейнека О. С. Способствует ли вера в справедливый мир снижению

шкала порицания коррупции [29] (в адаптации А. А. Максименко и др. [30]).

Методы обработки данных. Данные обрабатывались при помощи программы SPSS 19.0. Использованные методы анализа данных: частотный анализ, анализ средних значений, корреляционный и модерационный анализ.

Ограничения данного исследования связаны с несколькими ключевыми аспектами, которые могут повлиять на его обобщаемость и интерпретацию полученных результатов.

Во-первых, исследование проводилось в одном регионе, который представляет собой типичную российскую глубинку, преимущественно охватывая областной центр. И хотя региональная специфика часто играет более важную роль, чем различия между отдельными мегаполисами, следует учитывать, что в крупных городах, тем более в столицах, картина может быть иной. В мегаполисах, где выше уровень конкуренции и индивидуализации, а также сложнее социальная структура, возможно, открытость опыту играет иную роль, а отношение к коррупции может формироваться под влиянием других факторов, таких как давление со стороны карьерных устремлений или социальной мобильности.

Во-вторых, данные исследования основаны на самоотчетах, что накладывает определенные ограничения, связанные с возможной социальной желательностью ответов. Хотя подростки, в отличие от взрослых, менее включены в коррупционные практики и, как правило, более искренни в своих суждениях, нельзя исключать того, что некоторые респонденты могли давать ответы, соответствующие ожидаемым нормам, а не их реальному отношению. Это особенно актуально для вопросов, касающихся моральных установок, где люди склонны демонстрировать себя в более положительном свете.

Третье ограничение связано с возрастной выборкой. Исследование фокусируется на подростках, чьи установки могут быть еще не окончательно сформированы и подвержены влиянию ближайшего окружения, в первую очередь семьи. В более зрелом возрасте эти установки могут трансформироваться под воздействием жизненного опыта, работы и взаимодействия с различными социальными институтами. В этом смысле полученные данные позволяют сделать выводы о механизмах раннего формирования моральных установок, но не дают полной картины, как они изменяются во взрослой жизни.

Четвертое ограничение касается того, что исследование не учитывает возможное влияние цифровой среды на формирование антикоррупционных установок. Современные подростки активно потребляют информацию через интернет и социальные сети, и этот фактор может играть значительную роль в их моральных оценках, в том числе в восприятии коррупции. Учитывая, что цифровая среда нередко формирует критическое отношение к власти и социальным нормам, будущие исследования могут уделить больше внимания тому, как медиапотребление влияет на установки молодежи в этом контексте.

Таким образом, несмотря на значимость полученных результатов, они должны интерпретироваться с учетом данных ограничений. Однако тот факт, что исследование сосредоточено на подростках, позволяет получить ценные сведения о ранних механизмах формирования моральных установок, которые могут стать основой для последующих исследований, в том числе с более широкой географией и с учетом влияния цифровых технологий.

Результаты исследования

Обратимся к полученным результатам исследования, которые позволяют глубже понять, каким образом семейное благополучие и личностные установки подростков соотносятся с их отношением к коррупции.

Данные, представленные в таблице, указывают на то, что респонденты в целом характеризуются достаточно высоким уровнем семейного здоровья. Социально-эмоциональные показатели демонстрируют благоприятную

среду в семье, что подтверждается высокой средней оценкой. Аналогично наличие ресурсов в семье и уровень внешней социальной поддержки свидетельствуют о том, что большинство участников исследования ощущают поддержку со стороны близких и внешнего окружения. При этом значительный уровень приверженности здоровому образу жизни говорит о сформированных установках на заботу о себе и благополучие.

Таблица

Описательные статистики (шкалы здоровья семьи, порицания коррупции и психологического превосходства)

Table

Descriptive statistics (scales of family health, censure of corruption and psychological superiority)

Переменная	М	SD
Социально-эмоциональные показатели здоровья	45.12	7.54
Ресурсы здоровья семьи	19.89	6.37
ЗОЖ	24.65	4.16
Внешняя социальная поддержка семьи	16.51	3.43
Порицание коррупции	15.49	3.21
Психологическое преимущество	27.57	6.5
Я действительно чувствую, что просто заслуживаю большего, чем другие	2.85	1.18
Меня ждут великие дела	3.91	1.04
Если бы я был на «Титанике», я бы заслужил быть в первой спасательной шлюпке!	2.77	1.22
Я требую самого лучшего, потому что я достоин этого	2.91	1.15
Я не обязательно заслуживаю особого к себе отношения	3.40	1.05
Я заслуживаю большего в своей жизни	3.36	1.06
Такие люди, как я, заслуживают дополнительного отдыха время от времени	3.26	1.2
Все должно быть по-моему	2.54	1.24
Я чувствую, что имею право на большее	3.38	1.13

Примечание. Для измерения переменных использовалась 5-балльная шкала Лайкерта (1 – совсем не согласен, 5 – полностью согласен).

Note. A 5-point Likert scale was used to measure variables (1 – disagree at all, 5 – completely agree).

Отдельное внимание стоит уделить показателям порицания коррупции. Средний

уровень этого показателя (15.49) свидетельствует о том, что подростки в целом негативно

относятся к коррупционным практикам, что может быть обусловлено как семейными установками, так и социальным окружением. Однако важно учитывать, что отношение к коррупции может варьироваться в зависимости от индивидуальных особенностей личности, таких как уровень психологического превосходства.

Анализ данных, касающихся личностных установок (психологического превосходства), показывает, что респонденты, как правило, демонстрируют уверенность в своем потенциале и ожидают значительных достижений в жизни. Это выражается в высоких средних оценках утверждений о вере в собственные возможности и ожиданиях успеха. Наиболее выраженные аспекты психологического превосходства связаны с убежденностью в том, что человек заслуживает большего ($M = 3.36$, $SD = 1.06$), а также с представлением о том, что его ждут великие дела ($M = 3.91$, $SD = 1.04$). В то же время показатели, отражающие чувство исключительности и требования привилегий, оказываются менее выраженными, что говорит о том, что подростки, хотя и демонстрируют высокие амбиции, в меньшей степени ожидают особого отношения или преимуществ перед другими ($M = 2.91$, $SD = 1.15$).

Таким образом, полученные результаты позволяют выделить несколько ключевых тенденций. Во-первых, семейное благополучие положительно связано с уровнем социальной поддержки и ресурсами, что создает благоприятную среду для формирования устойчивых моральных установок. Во-вторых, подростки в целом демонстрируют негативное отношение к коррупции, однако уровень этого порицания может зависеть от личностных характеристик. В-третьих, несмотря на наличие установки на собственную значимость и успех, подростки не в полной мере разделяют идеи

превосходства и исключительности. Это свидетельствует о том, что высокая самооценка и стремление к достижениям не всегда сопряжены с требованием особого отношения. Такой анализ данных позволяет говорить о сложных взаимосвязях между семейным благополучием, личностными установками и моральными ориентирами подростков, что открывает возможности для дальнейшего исследования этих взаимосвязей.

Корреляционные связи между показателями здоровья семьи, порицанием коррупции и социально-демографическими характеристиками

Корреляционный анализ выявил ряд значимых взаимосвязей между переменными. Возраст респондентов положительно связан с уровнем воспринимаемой внешней социальной поддержки семьи ($r = 0.11$, $p < 0.05$), а также с социально-эмоциональными характеристиками семейного здоровья ($r = 0.14$, $p < 0.01$). При этом возраст не продемонстрировал значимых связей с другими изучаемыми переменными.

Социально-эмоциональные показатели семейного здоровья положительно коррелируют с приверженностью к ведению здорового образа жизни ($r = 0.64$, $p < 0.01$) и уровнем внешней социальной поддержки ($r = 0.47$, $p < 0.01$). В то же время они отрицательно связаны с уровнем доступных семейных ресурсов ($r = -0.45$, $p < 0.01$), что указывает на обратную зависимость между эмоциональным климатом в семье и оценкой материальной обеспеченности.

Семейные ресурсы имеют отрицательные связи с приверженностью к здоровому образу жизни ($r = -0.37$, $p < 0.01$) и внешней социальной поддержкой ($r = -0.31$, $p < 0.01$), что свидетельствует о том, что субъективное вос-

приятие семейного благополучия в аспекте доступных ресурсов не всегда сопряжено с ориентацией на здоровый образ жизни и социальную поддержку.

Психологическое превосходство демонстрирует значимую положительную связь только с уровнем воспринимаемой внешней социальной поддержки ($r = 0.14$, $p < 0.05$), что означает, что подростки с более выраженным ощущением собственной значимости и превосходства оценивают уровень внешней поддержки как более высокий.

Показатели порицания коррупции положительно связаны с социально-эмоциональными характеристиками семейного здоровья ($r = 0.20$, $p < 0.01$), уровнем внешней социальной поддержки ($r = 0.20$, $p < 0.01$) и приверженностью к здоровому образу жизни ($r = 0.11$, $p < 0.05$). В то же время выявлена отрицательная связь порицания коррупции с уровнем семейных ресурсов ($r = -0.19$, $p < 0.01$), что может указывать на специфические закономерности в формировании моральных установок.

Пол респондентов также оказался значимо связан с социально-эмоциональными характеристиками семейного здоровья ($\beta = -2.25$, $p < 0.01$) и приверженностью к здоровому образу жизни ($\beta = -1.18$, $p < 0.01$), причем девушки демонстрировали более низкие показатели по этим параметрам. Однако, в отличие от юношей, девушки выше оценивали уровень доступных семейных ресурсов ($\beta = 1.92$, $p < 0.01$).

Религиозность семьи значимо предсказывает приверженность к здоровому образу жизни, что указывает на связь между уровнем религиозности и установками на сохранение здоровья.

Доход семьи положительно связан с уровнем воспринимаемой внешней социальной поддержки. Подростки, оценивающие

уровень дохода семьи как «средний» ($\beta = 1.98$, $p < 0.05$) или «высокий» ($\beta = 2.55$, $p < 0.01$), демонстрируют более высокие показатели социальной поддержки со стороны окружения.

При этом показатели психологического превосходства и склонность к коррупционному поведению не выявили статистически значимых связей с социально-демографическими характеристиками.

Модерационный анализ взаимосвязи между показателями семейного здоровья, личностными характеристиками и порицанием коррупции

Анализ данных показал, что социально-эмоциональное благополучие семьи является значимым предиктором порицания коррупции ($\beta = 0.209$, $p < 0.001$). Установлено, что подростки, воспитывающиеся в семьях с высоким уровнем эмоциональной поддержки и благоприятным психологическим климатом, демонстрируют более выраженную склонность к осуждению коррупционных проявлений. Данная взаимосвязь частично опосредуется личностной чертой, связанной с открытостью опыту ($\beta = 0.114$, $p = 0.04$), в то время как добросовестность не показала значимого эффекта опосредования ($p = 0.114$).

Внешняя социальная поддержка семьи также положительно связана с уровнем порицания коррупции ($\beta = 0.15$, $p = 0.0066$). Подростки, которые отмечают высокий уровень поддержки со стороны родственников, друзей или социальных институтов, демонстрируют более выраженные антикоррупционные установки. Как и в предыдущем случае, выявлена частичная медирующая роль открытости опыту ($p = 0.047$), тогда как добросовестность не оказалась значимым медиатором данной взаимосвязи ($p = 0.1138$).

Ресурсы здоровья семьи, включающие материальное благополучие, доступность медицинского обслуживания и комфортные условия жизни, продемонстрировали отрицательную связь с уровнем порицания коррупции ($\beta = -0.2426$, $p < 0.001$). Это свидетельствует о том, что подростки, обладающие более высокими семейными ресурсами, в меньшей степени выражают осуждение коррупционных практик.

Здоровый образ жизни семьи также оказался значимо связан с порицанием коррупции ($\beta = 0.1279$, $p = 0.0213$). Однако включение личностных характеристик в модель показало, что эта связь полностью опосредуется двумя чертами: добросовестностью ($\beta = 0.1117$, $p = 0.0465$) и открытостью опыту ($\beta = 0.1279$, $p = 0.0213$). После учета данных медиаторов прямая связь между приверженностью семьи к здоровому образу жизни и уровнем порицания коррупции перестала быть статистически значимой.

Обсуждение

Результаты исследования показывают, что подростки в целом характеризуются высоким уровнем семейного здоровья, включая социально-эмоциональные аспекты и уровень внешней социальной поддержки. Это подтверждает концепцию семейной жизнестойкости [31], согласно которой семейные ресурсы и поддержка являются ключевыми факторами формирования благополучия индивидов.

Средний уровень порицания коррупции свидетельствует о том, что подростки склонны рассматривать коррупционные практики негативно, что можно объяснить влиянием семейных ценностей и социальных норм.

Однако индивидуальные различия в отношении к коррупции связаны с личностными характеристиками [32], включая уровень психологического превосходства [33]. Данный показатель в целом высок, особенно в аспекте уверенности в значимости собственных достижений. Это перекликается с эпидемией нарциссизма¹³, согласно которой современное поколение демонстрирует более выраженные установки на самореализацию и успех, но не обязательно на исключительность.

Корреляционный анализ подтвердил значимые взаимосвязи между семейным здоровьем и личностными установками подростков. Социально-эмоциональные характеристики семейного здоровья положительно связаны с приверженностью к здоровому образу жизни и уровнем внешней социальной поддержки, что подтверждает идею о том, что эмоциональная поддержка семьи способствует формированию позитивных поведенческих стратегий¹⁴.

Интересно, что семейные ресурсы (материальное благополучие, доступ к медицинскому обслуживанию) оказались отрицательно связаны с приверженностью к здоровому образу жизни и уровнем внешней социальной поддержки. Это можно объяснить тем, что подростки из обеспеченных семей могут меньше зависеть от внешних социальных контактов и реже испытывать необходимость в осознанном формировании здоровых привычек. Данный результат согласуется с тем, что материальное благополучие не всегда приводит к большей социальной интеграции.

Психологическое превосходство оказалось положительно связано с внешней социальной поддержкой. Это может означать, что подростки с более выраженным ощущением

¹³ Twenge J. M., Campbell W. K. The narcissism epidemic: Living in the age of entitlement. – Free Press, 2009.

¹⁴ Bowlby J. A secure base: Parent-child attachment and healthy human development. – Basic Books, 1988.

собственной значимости получают больше одобрения и поддержки от окружающих. Это согласуется с теорией социальной идентичности¹⁵, согласно которой индивиды с высокой самооценкой стремятся к подтверждению своей значимости через социальное окружение.

Порицание коррупции положительно связано с семейным здоровьем и уровнем социальной поддержки. Это подтверждает гипотезу о социализационном влиянии семьи¹⁶: подростки, растущие в благоприятных условиях, усваивают моральные нормы, основанные на честности и справедливости. Важно отметить, что порицание коррупции отрицательно связано с уровнем семейных ресурсов: обеспеченные подростки могут реже сталкиваться с коррупцией в повседневной жизни и воспринимать ее как менее проблематичное явление.

Модерационный анализ выявил, что социально-эмоциональное благополучие семьи является значимым предиктором порицания коррупции, а также частично опосредуется личностными характеристиками, в частности открытостью опыту. Данный результат согласуется с моделью морального развития Ж. Пиаже¹⁷ и теорией нравственного развития Л. Кольберга¹⁸, согласно которым когнитивная гибкость и способность к рефлексии играют важную роль в усвоении этических норм.

Также установлено, что внешняя социальная поддержка семьи усиливает антикоррупционные установки подростков, причем

открытость опыту выступает значимым медиатором. Это согласуется с тем, что социальная поддержка способствует расширению моральных горизонтов молодежи.

Примечательно, что семейные ресурсы демонстрируют обратную связь с порицанием коррупции. Этот эффект частично объясняется сниженной открытостью опыту у подростков из обеспеченных семей. Это подтверждают исследования П. К. Пиффа [34], согласно которым люди с более высоким социально-экономическим статусом могут демонстрировать меньшую чувствительность к вопросам социальной несправедливости.

Связь между приверженностью семьи к здоровому образу жизни и порицанием коррупции оказалась полностью опосредованной личностными характеристиками: добросовестностью и открытостью опыту. Это соответствует гипотезе о том, что самодисциплина, сформированная в одной сфере (например, заботе о здоровье), может распространяться на другие аспекты поведения, включая моральные установки¹⁹ [35].

Заключение

Результаты исследования позволяют сделать несколько ключевых выводов о механизмах формирования антикоррупционных установок у подростков и значении семейного контекста в этом процессе. Прежде всего, данные подтверждают, что семейное здоровье, включая социально-эмоциональную поддержку и уровень доступных ресурсов, играет

¹⁵ Tajfel H., Turner J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior / Worchel, S. and Austin, W.G. (Eds.) // Psychology of Intergroup Relations. – Chicago: Hall Publishers, 1986. – P. 7–24.

¹⁶ Grusec J.E., Hastings P.D. Handbook of Socialization: Theory and Research. – Guilford Publications, 2014.

¹⁷ Piaget J. The moral judgment of the child. – London: Routledge Kegan Paul, 1932.

¹⁸ Kohlberg L. The Philosophy of Moral Development: Moral Stages and the Idea of Justice. New York: Harper Row, 1981.

¹⁹ Baumeister R. F., Tierney J. Willpower: Rediscovering the greatest human strength. – Penguin Press, 2011.

важную роль в развитии моральных установок. Однако не все параметры семейного благополучия одинаково способствуют порицанию коррупции. Особенно значимым оказался уровень социальной поддержки, который в сочетании с когнитивными характеристиками подростков влияет на их моральное развитие.

Одним из наиболее важных предикторов антикоррупционных установок оказалась открытость опыту. Этот результат подтверждает гипотезу о том, что готовность воспринимать новые идеи, размышлять о сложных социальных явлениях и адаптироваться к изменениям является ключевым фактором в формировании критического отношения к коррупционным практикам. В отличие от добросовестности, которая, согласно классическим представлениям, должна была бы предсказывать честное поведение, открытость опыту оказывает гораздо более значимое влияние. Это можно объяснить тем, что подростки, обладающие высокой открытостью, более склонны анализировать причины и последствия коррупции, осознавать ее негативные последствия не только на индивидуальном, но и на системном уровне.

В отличие от открытости опыту, добросовестность, несмотря на свою потенциальную значимость в регулировании поведения, не продемонстрировала ожидаемого эффекта. Это может быть связано с тем, что данная черта личности больше определяет следование правилам и нормам, но не обязательно ведет к их критическому осмыслению. То есть подростки с высоким уровнем добросовестности могут быть дисциплинированными и выполнять предписания, но, если в их окружении коррупция воспринимается как допустимое явление, они могут следовать этим нормам без попытки их переосмыслить. В этом смысле добросовестность работает, скорее, как инструмент соблюдения установленных правил,

тогда как открытость опыту формирует способность осознавать и оценивать эти нормы с точки зрения их социальной значимости.

Интересной находкой исследования стало также то, что приверженность семьи к здоровому образу жизни оказалась значимым фактором, влияющим на антикоррупционные установки подростков. Однако этот эффект был полностью опосредован личностными характеристиками – добросовестностью и открытостью опыту. Это означает, что привычки, связанные со здоровьем, формируют важные психологические механизмы, которые затем переносятся и на другие сферы жизни, включая моральное поведение. Подростки, растущие в семьях, где важны самоконтроль, дисциплина и осознанность в отношении здоровья, также развивают навыки, которые делают их более чувствительными к вопросам социальной справедливости и этики.

Таким образом, здоровье семьи и когнитивные характеристики подростков оказывают взаимосвязанное влияние на антикоррупционные установки. Семейная поддержка и ориентация на здоровый образ жизни создают благоприятные условия для развития личностных качеств, которые, в свою очередь, предсказывают отношение к коррупции. Однако наибольшую роль в этом процессе играет именно открытость опыту, поскольку она позволяет подросткам не просто усваивать существующие нормы, но и критически оценивать их, делая осознанный выбор в пользу честности. Эти результаты подчеркивают необходимость образовательных программ, направленных на развитие когнитивной гибкости, критического мышления и формирования осознанных привычек, поскольку именно они могут стать основой для формирования более этически устойчивого общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Махнач А. В. Тенденции исследований в психологии семьи: от неблагополучия к жизнеспособности // Социальная психология и общество. – 2024. – Т. 15, № 3. – С. 5–20. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=75103982> DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150301>
2. Lucas-Thompson R. G., Goldberg W. A. Family relationships and children's stress responses // Advances in Child Development and Behavior. – 2011. – Vol. 40. – P. 243–299. DOI: <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-386491-8.00007-4>
3. Свадьбина Т. В., Немова О. А. Российская семья как хранитель и транслятор традиционных национальных ценностей // Вестник Мининского университета. – 2023. – Т. 11, № 4. – С. 14. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=56750200> DOI: <http://dx.doi.org/10.26795/2307-1281-2023-11-4-14>
4. Vuchinich S. Starting and Stopping Spontaneous Family Conflicts // Journal of Marriage and Family. – 1987. – Vol. 49 (3). – P. 591–601. DOI: <https://doi.org/10.2307/352204>
5. Cummings E. M., Koss K. J., Davies P. T. Prospective relations between family conflict and adolescent maladjustment: security in the family system as a mediating process // Journal of Abnormal Child Psychology. – 2015. – Vol. 43 (3). P. 503–515. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10802-014-9926-1>
6. Law E., Fisher E., Eccleston C., Palermo T. M. Psychological interventions for parents of children and adolescents with chronic illness // Cochrane Database of Systematic Review. – 2019. – Vol. 18 (3). – P. CD009660. DOI: <https://doi.org/10.1002/14651858.CD009660.pub4>
7. Garcia Rodrigues M., Rodrigues J. D., Pereira A. T., Azevedo L. F., Pereira Rodrigues P., Areias J. C., Areias M. E. Impact in the quality of life of parents of children with chronic diseases using psychoeducational interventions – A systematic review with meta-analysis // Patient Education and Counseling. – 2022. – Vol. 105 (4). – P. 869–880. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pcc.2021.07.048>
8. Torry Z. D., Billick S. B. Implications of antisocial parents // Psychiatric Quarterly. – 2011. – Vol. 82 (4). – P. 275–285. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11126-011-9169-z>
9. Беляева С. И. Межпоколенная воспроизводимость деструктивных паттернов функционирования в семьях делинквентных подростков // Медицинская психология в России. – 2017. – Т. 9, № 1. – С. 10. URL: http://medpsy.ru/mprij/archiv_global/2017_1_42/nomer04.php URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29817207>
10. Смолева Е. О., Шишигина С. Н. Роль семьи и референтных групп в формировании противоправного поведения несовершеннолетних // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2018. – № 4. – С. 79–88. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36486609>
11. Тигунцева Г. Н. Генезис научного знания о личности подростка-делинквента в отечественной психологии // Криминологический журнал байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – № 9 (1). – С. 47–56. URL: <http://cj-bgu.ru/reader/article.aspx?id=20049> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23134900> DOI: [http://dx.doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9\(1\).47-56](http://dx.doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(1).47-56)
12. Knafo-Noam A., Uzefovsky F., Israel S., Davidov M., Zahn-Waxler C. The prosocial personality and its facets: genetic and environmental architecture of mother-reported behavior of 7-year-old twins // Frontiers in Psychology. – 2015. – Vol. 13 (6). – P. 112. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00112>

13. Malti T., Galarneau E., Peplak J. Moral Development in Adolescence // *Journal of Research on Adolescence*. – 2021. – Vol. 31 (4). – P. 1097–1113. DOI: <https://doi.org/10.1111/jora.12639>
14. Leming J. S. Intrapersonal variations in stage of moral reasoning among adolescents as a function of situational context // *Journal of Youth and Adolescence*. – 1978. – Vol. 7 (4). – P. 405–316. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF01537808>
15. Hardy S. A., Bean D. S., Olsen J. A. Moral Identity and Adolescent Prosocial and Antisocial Behaviors: Interactions with Moral Disengagement and Self-regulation // *Journal of Youth and Adolescence*. – 2015. – Vol. 44 (8). – P. 1542–1554. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10964-014-0172-1>
16. Sroufe L. A. Attachment and Development: A Prospective, Longitudinal Study from Birth to Adulthood // *Attachment Human Development*. – 2005. – Vol. 7 (4). – P. 349–367. DOI: <https://doi.org/10.1080/14616730500365928>
17. Bronfenbrenner U. Ecology of the family as a context for human development: Research perspectives // *Developmental Psychology*. – 1986. – Vol. 22 (6). – P. 723–742. DOI: <https://doi.org/10.1037/0012-1649.22.6.723>
18. Lansford J. E., Godwin J., Uribe Tirado L. M., Zelli A., Al-Hassan S. M., Bacchini D., Bombi A. S., Bornstein M. H., Chang L., Deater-Deckard K., Di Giunta L., Dodge K. A., Malone P. S., Oburu P., Pastorelli C., Skinner A. T., Sorbring E., Tapanya S., Peña Alampay L. Individual, family, and culture-level contributions to child aggression and rule-breaking behavior // *International Journal of Behavioral Development*. – 2018. – Vol. 42 (2) – P. 165–173. URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9780429401695-3/parenting-child-discipline-jennifer-lansford> DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429401695-3>
19. Lansford J. E., Godwin J., Al-Hassan S. M., Bacchini D., Bornstein M. H., Chang L., Chen B. B., Deater-Deckard K., Di Giunta L., Dodge K. A., Malone P. S., Oburu P., Pastorelli C., Skinner A. T., Sorbring E., Steinberg L., Tapanya S., Alampay L. P., Uribe Tirado L. M., Zelli A. Longitudinal associations between parenting and youth adjustment in twelve cultural groups: Cultural normativeness of parenting as a moderator // *Developmental Psychology*. – 2018. – Vol. 54 (2). – P. 362–377. DOI: <https://doi.org/10.1037/dev0000416>
20. Grusec J. E., Davidov M. Integrating different perspectives on socialization theory and research: A domain-specific approach // *Child Development*. – 2010. – Vol. 81 (3). – P. 687–709. URL: <https://srcd.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1467-8624.2010.01426.x> DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2010.01426.x>
21. Darling N., Steinberg L. Parenting style as context: An integrative model // *Psychological Bulletin*. – 1993. – Vol. 113 (3). – P. 487–496. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.113.3.487>
22. Livingstone S., Helsper E. J. Taking risks when communicating on the Internet: The role of offline social-psychological factors in young people's vulnerability to online risks // *Information, Communication Society*. – 2007. – Vol. 10 (5). – P. 619–644. DOI: <https://doi.org/10.1080/13691180701657998>
23. Bowlby J. Attachment and loss: Retrospect and prospect // *American Journal of Orthopsychiatry*. – 1982. – Vol. 52 (4). – P. 664–678. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1939-0025.1982.tb01456.x>
24. Crandall A., Weiss-Laxer N. S., Broadbent E., Holmes E. K., Magnusson B. M., Okano L., Berge M. J., Barnes D. M., Lee Hanson C., Jones L. B., Novilla B. L. The family health scale: reliability and validity of a short and long-form // *Frontiers in Public Health*. – 2020. – Vol. 8. – P. 587125. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/public-health/articles/10.3389/fpubh.2020.587125/full> DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2020.587125>
25. Забелина Е. В., Максименко В. А., Бушуева А. М. Шкала здоровья семьи: результаты адаптации на российской выборке // *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*. – 2024. –

- № 3. – С. 63–73. URL: <https://psy-journal.omsu.ru/issues/404/12187.php> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=72017588> DOI: <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2024.3.63-73>
26. Gosling S. D., Rentfrow P. J., Swann W. B. A very brief measure of the big-five personality domains // *Journal of Research in Personality*. – 2003. – Vol. 37 (6). – P. 504–528. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0092656603000461> DOI: [https://doi.org/10.1016/S0092-6566\(03\)00046-1](https://doi.org/10.1016/S0092-6566(03)00046-1)
27. Корнилова Т. В., Зиренко М. С., Гусейнова Р. Д. Г. Кросс-культурная адаптация краткого опросника Большой пятерки (TIPI): сравнение российской и азербайджанских студенческих выборок // *Психологические исследования*. – 2017. – Т. 10, № 55. – С. 7. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/349> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30605353>
28. Campbell W. K., Bonacci A. M., Shelton J., Exline J. J., Bushman B. J. Psychological entitlement: Interpersonal consequences and validation of a self-report measure // *Journal of personality assessment*. – 2004. – Vol. 83 (1). – P. 29–45. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327752jpa8301_04
29. Li S., Triandis H. C., Yu Y. Cultural orientation and corruption // *Ethics and Behavior*. – 2006. – Vol. 16 (3). – P. 199–215. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327019eb1603_2
30. Максименко А. А., Крылова Д. В., Дейнека О. С. Степень порицания коррупции у россиян с разным уровнем отношения к социальному доминированию // *Российский психологический журнал*. – 2023. – № 20 (3). – С. 274–294. URL: <https://rpj.ru.com/index.php/rpj/article/view/1496> / URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54744602> DOI: <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.15>
31. Walsh F. Family resilience: a framework for clinical practice // *Family Process*. – 2003. – Vol. 42 (1). – P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1545-5300.2003.00001.x>
32. Ванновская О. В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. – 2009. – № 102. – С. 323–328. URL: <https://rep.herzen.spb.ru/publication/4442> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12225411>
33. Максименко А. А., Загладина А. Р. Роль психологического превосходства в коррупционных намерениях личности // *Новые психологические исследования*. – 2024. – № 2. – С. 112–131. URL: <https://newpsyresearches.ru/article/maksimenko-zagladina-ru-2024-2-6> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=67930206> DOI: https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2024_04_02_06
34. Piff P. K., Stancato D. M., Côté S., Mendoza-Denton R., Keltner D. Higher social class predicts increased unethical behavior // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2012. – Vol. 109 (11). – P. 4086–4091. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1118373109>
35. Tangney J. P., Baumeister R. F., Boone A. L. High self-control predicts good adjustment, less pathology, better grades and interpersonal success // *Journal of Personality*. – 2004. – Vol. 72 (2). – P. 271–324. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.0022-3506.2004.00263.x> DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0022-3506.2004.00263.x>

Поступила: 31 марта 2025 Принята: 10 мая 2025 Опубликована: 30 июня 2025

Заявленный вклад авторов:

Загладина А. Р.: основной исполнитель, сбор эмпирического материала, выполнение статистических процедур, оформление текста статьи.

Бушуева А. М.: исполнитель, сбор материалов, литературный обзор.

Максименко А. А.: руководитель исследования, организация исследования, концепция и дизайн исследования, интерпретация результатов и общее руководство.

Все авторы ознакомились с результатами работы и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о конфликте интересов:

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов в связи с публикацией данной статьи

Информация об авторах

Загладина Александра Романовна

стажер-исследователь, проектно-учебной
лаборатории антикоррупционной политики,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, д. 20, 101000, Москва, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-0929-5753>
SPIN-код: 4221-6108
E-mail: zagladina.ar@gmail.com

Бушуева Анна Михайловна

соискатель степени канд. психол. наук,
кафедра общей и социальной психологии,
Костромской государственный университет,
пос. Новый, 1, 156012, Кострома, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-2492-5568>
E-mail: a.m.bushueva@yandex.ru

Максименко Александр Александрович

Доктор социологических наук,
кандидат психологических наук, доцент,
главный научный сотрудник проектно-учебной
лаборатории антикоррупционной политики,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, д. 20, 101000, Москва, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>
SPIN-код: 7449-3003
E-mail: maximenko.al@gmail.com

Formation of stable moral attitudes of schoolchildren: Assessment of the role of family health factors in anti-corruption behavior

Aleksandra R. Zagladina¹, Anna M. Bushueva², Aleksander A. Maksimenko ¹

¹ HSE University, Moscow, Russian Federation

² Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation

Abstract

Introduction. Amid growing attention to the problem of corruption, the study of factors influencing the formation of anti-corruption behavior from an early age is becoming increasingly relevant. The family, as the primary agent of socialization, plays a key role in transmitting moral norms and values. However, the impact of the family's socio-emotional health on the formation of attitudes toward corruption remains insufficiently studied. The present study is aimed at identifying and generalizing the features of the formation of stable moral attitudes among schoolchildren, as well as substantiating the role of family health factors in the context of anti-corruption behavior.

Materials and Methods. A total of 354 students participated in the study (58.5% girls and 41.5% boys), aged between 13 and 17 years ($M = 15.86$, $SD = 0.98$). The study implemented a quantitative methodological approach based on the principles of the post-positivist paradigm, which implies objective data collection and statistical processing of empirical results. A standardized survey conducted online was used as the primary method of data collection, ensuring consistency in the research procedure. The collected data were analyzed using mathematical and statistical methods, including descriptive statistics (to determine general trends and characteristics of the sample), correlation analysis (to identify statistically significant relationships between family health parameters, personality traits, and indicators of anti-corruption behavior among schoolchildren), and moderation analysis (to assess the influence of third variables on the strength and nature of the identified relationships). This comprehensive approach made it possible to thoroughly examine the studied phenomenon, taking into account individual psychological and socio-family factors.

Results. The authors identified stable statistical associations between components of family health and adolescents' anti-corruption attitudes. In particular, a positive correlation was found between

Acknowledgments

The study was financially supported by the Russian Science Foundation by a framework. Project No. 25-28-01362, <https://rscf.ru/project/25-28-01362> ("The study of socio-psychological predictors of the formation of propensity to corruption and perceived punishment: the role and importance of mediators")

For citation

Zagladina A. R., Bushueva A. M., Maksimenko A. A. Formation of stable moral attitudes of schoolchildren: Assessment of the role of family health factors in anti-corruption behavior. *Science for Education Today*, 2025, vol. 15 (3), pp. 201–223. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2503.10>

  Corresponding Author: Aleksander A. Maksimenko, Maximenko.AI@gmail.com

© Aleksandra R. Zagladina, Anna M. Bushueva, Aleksander A. Maksimenko, 2025

socio-emotional family health, the level of external social support, and the expression of condemnation of corruption. At the same time, data indicating a negative relationship between the level of material well-being in the family and the tendency to condemn corrupt behavior were summarized. The significance of adolescents' personality traits as mediators of these relationships was also clarified: it was established that openness to experience partially mediates the connection between family health and anti-corruption attitudes, while conscientiousness serves as a mediator in the context of the family's healthy lifestyle. Thus, the authors confirmed the importance of the family context and individual personality factors in shaping attitudes toward corruption among schoolchildren, highlighting openness to experience as a particularly significant variable.

Conclusions. The development of anti-corruption attitudes in adolescents requires a comprehensive approach, including the strengthening of family well-being, the fostering of critical thinking, and the development of self-control. The obtained results can be taken into account in the development of anti-corruption education and nurturing strategies aimed at reinforcing family values and fostering stable moral attitudes among Russian schoolchildren.

Keywords

Family health; Psychological entitlement; Moral outrage over corruption; Healthy lifestyle; Moral principles; Conscientiousness; Openness to experience; Anti-corruption behavior of schoolchildren.

REFERENCES

1. Makhnach A. V. Research trends in family psychology: From disadvantage to resilience. *Social Psychology and Society*, 2024, vol. 15 (3), pp. 5-20. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=75103982> DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150301>
2. Lucas-Thompson R. G., Goldberg W. A. Family relationships and children's stress responses. *Advances in Child Development and Behavior*, 2011, vol. 40, pp. 243-299. DOI: <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-386491-8.00007-4>
3. Svadbina T. V., Nemova O. A. The Russian family as a guardian and translator of traditional national values. *Bulletin of Mininsky University*, 2023, vol. 11 (4), pp. 14. (In Russian) URL: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/1543/980> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=56750200> DOI: <http://dx.doi.org/10.26795/2307-1281-2023-11-4-14>
4. Vuchinich S. Starting and stopping spontaneous family conflicts. *Journal of Marriage and Family*, 1987, vol. 49 (3), pp. 591-601. DOI: <https://doi.org/10.2307/352204>
5. Cummings E. M., Koss K. J., Davies P. T. Prospective relations between family conflict and adolescent maladjustment: Security in the family system as a mediating process. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 2015, vol. 43 (3), pp. 503-515. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10802-014-9926-1>
6. Law E., Fisher E., Eccleston C., Palermo T. M. Psychological interventions for parents of children and adolescents with chronic illness. *Cochrane Database of Systematic Review*, 2019, vol. 18 (3), pp. CD009660. DOI: <https://doi.org/10.1002/14651858.CD009660.pub4>
7. Garcia Rodrigues M., Rodrigues J. D., Pereira A. T., Azevedo L. F., Pereira Rodrigues P., Areias J. C., Areias M. E. Impact in the quality of life of parents of children with chronic diseases using psychoeducational interventions – A systematic review with meta-analysis. *Patient Education and Counseling*, 2022, vol. 105 (4), pp. 869-880. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pcc.2021.07.048>
8. Torry Z. D., Billick S. B. Implications of antisocial parents. *Psychiatric Quarterly*, 2011, vol. 82 (4), pp. 275-285. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11126-011-9169-z>

9. Belyaeva S. I. Inter-generational reproducibility of the destructive patterns of functioning in the families of delinquent adolescents. *Medical Psychology in Russia*, 2017, vol. 9 (1), pp. 10. URL: http://medpsy.ru/mprij/archiv_global/2017_1_42/nomer04.php / EDN ZCMSYN (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29817207>
10. Smoleva E. O., Shishigina S. N. The role of family and reference groups in the formation of the illegal behavior of minors *Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*, 2018, no. 4, P. 79-88. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36486609>
11. Tiguntseva G. N. Genesis of scientific knowledge about the identity teen-delinquent in Russian psychology. *All-Russian Journal of Criminology*, 2015, vol. 9 (1), pp. 47-56. (In Russian) URL: <http://cj-bgu.ru/reader/article.aspx?id=20049> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23134900> DOI: [http://dx.doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9\(1\).47-56](http://dx.doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(1).47-56)
12. Knafo-Noam A., Uzefovsky F., Israel S., Davidov M., Zahn-Waxler C. The prosocial personality and its facets: Genetic and environmental architecture of mother-reported behavior of 7-year-old twins. *Frontiers in Psychology*, 2015, vol. 13 (6), pp. 112. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00112>
13. Malti T., Galarneau E., Peplak J. Moral development in adolescence. *Journal of Research on Adolescent*, 2021, vol. 31 (4), pp. 1097-1113. DOI: <https://doi.org/10.1111/jora.12639>
14. Leming J. S. Intrapersonal variations in stage of moral reasoning among adolescents as a function of situational context. *Journal of Youth and Adolescent*, 1978, vol. 7 (4), pp. 405-316. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF01537808>
15. Hardy S. A., Bean D. S., Olsen J. A. Moral identity and adolescent prosocial and antisocial behaviors: Interactions with moral disengagement and self-regulation. *Journal of Youth and Adolescent*, 2015, vol. 44 (8), pp. 1542-1554. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10964-014-0172-1>
16. Sroufe L. A. Attachment and development: A prospective, longitudinal study from birth to adulthood. *Attachment Human Development*, 2005, vol. 7 (4), pp. 349-367. DOI: <https://doi.org/10.1080/14616730500365928>
17. Bronfenbrenner U. Ecology of the family as a context for human development: Research perspectives. *Developmental Psychology*, 1986, vol. 22 (6), pp. 723-742. DOI: <https://doi.org/10.1037/0012-1649.22.6.723>
18. Lansford J. E., Godwin J., Uribe Tirado L. M., Zelli A., Al-Hassan S. M., Bacchini D., Bombi A. S., Bornstein M. H., Chang L., Deater-Deckard K., Di Giunta L., Dodge K. A., Malone P. S., Oburu P., Pastorelli C., Skinner A. T., Sorbring E., Tapanya S., Peña Alampay L. Individual, family, and culture-level contributions to child aggression and rule-breaking behavior. *International Journal of Behavioral Development*, 2018, vol. 42 (2), pp. 165-173. URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9780429401695-3/parenting-child-discipline-jennifer-lansford> DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429401695-3>
19. Lansford J. E., Godwin J., Al-Hassan S. M., Bacchini D., Bornstein M. H., Chang L., Chen B. B., Deater-Deckard K., Di Giunta L., Dodge K. A., Malone P. S., Oburu P., Pastorelli C., Skinner A. T., Sorbring E., Steinberg L., Tapanya S., Alampay L. P., Uribe Tirado L. M., Zelli A. Longitudinal associations between parenting and youth adjustment in twelve cultural groups: Cultural normativeness of parenting as a moderator. *Developmental Psychology*, 2018, vol. 54 (2), pp. 362-377. DOI: <https://doi.org/10.1037/dev0000416>
20. Grusec J. E., Davidov M. Integrating different perspectives on socialization theory and research: A domain-specific approach. *Child Development*, 2010, vol. 81 (3), pp. 687-709. URL: <https://srcd.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1467-8624.2010.01426.x> DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2010.01426.x>

21. Darling N., Steinberg L. Parenting style as context: An integrative model. *Psychological Bulletin*, 1993, vol. 113 (3), pp. 487-496. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.113.3.487>
22. Livingstone S., Helsper E. J. Taking risks when communicating on the Internet: The role of offline social-psychological factors in young people's vulnerability to online risks. *Information, Communication Society*, 2007, vol. 10 (5), pp. 619-644. DOI: <https://doi.org/10.1080/13691180701657998>
23. Bowlby J. Attachment and loss: Retrospect and prospect. *American Journal of Orthopsychiatry*, 1982, vol. 52 (4), pp. 664-678. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1939-0025.1982.tb01456.x>
24. Crandall A., Weiss-Laxer N. S., Broadbent E., Holmes E. K., Magnusson B. M., Okano L., Berge M. J., Barnes D. M., Lee Hanson C., Jones L. B., Novilla B. L. The family health scale: Reliability and validity of a short and long-form. *Frontiers in Public Health*, 2020, vol. 8, pp. 587125. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/public-health/articles/10.3389/fpubh.2020.587125/full> DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2020.587125>
25. Zabelina E. V., Maksimenko V. A., Bushueva A. M. The family health scale: the results of adaptation in the Russian sample. *Bulletin of Omsk University. Psychology*, 2024, no. 3, pp. 63-73. (In Russian) URL: <https://psy-journal.omsu.ru/issues/404/12187.php> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=72017588> DOI: <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2024.3.63-73>
26. Gosling S. D., Rentfrow P. J., Swann W. B. A very brief measure of the big-five personality domains. *Journal of Research in Personality*, 2003, vol. 37 (6), pp. 504-528. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0092656603000461> DOI: [https://doi.org/10.1016/S0092-6566\(03\)00046-1](https://doi.org/10.1016/S0092-6566(03)00046-1)
27. Kornilova Tatiana V., Zirenko Maria S., Guseynova Rena D. Cross-cultural validation of the brief measure of big-five personality traits (tipi): Russian and Azerbaijani student samples. *Psychological Research*, 2017, vol. 10, pp. 7. (In Russian) URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/349> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30605353>
28. Campbell W. K., Bonacci A. M., Shelton J., Exline J. J., Bushman B. J. Psychological entitlement: Interpersonal consequences and validation of a self-report measure. *Journal of Personality Assessment*, 2004, vol. 83 (1), pp. 29-45. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327752jpa8301_04
29. Li S., Triandis H. C., Yu Y. Cultural orientation and corruption. *Ethics and Behavior*, 2006, vol. 16 (3), pp. 199-215. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327019eb1603_2
30. Maksimenko A. A., Krylova D. V., Deyneka O. S. The degree of outrage over corruption among Russians with different levels of attitude toward social dominance. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal*, 2023, vol. 20 (3), pp. 274-294. (In Russian) URL: <https://rpj.ru.com/index.php/rpj/article/view/1496> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54744602> DOI: <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.15>
31. Walsh F. Family resilience: A framework for clinical practice. *Family Process*, 2003, Vol. 42 (1), pp. 1-18. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1545-5300.2003.00001.x>
32. Vannovskaya O. Personal determinants of corruptional behaviour. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Science*, 2009, vol. 102, pp. 323-328. (In Russian) URL: <https://rep.herzen.spb.ru/publication/4442> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12225411>
33. Maksimenko A. A., Zagladina A. R. The role of psychological entitlement in a person's corrupt intentions. *New Psychological Research*, 2024, no. 4(2), pp. 112-131. (In Russian) URL: <https://newpsyresearches.ru/article/maksimenko-zagladina-ru-2024-2-6> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12225411> DOI: https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2024_04_02_06

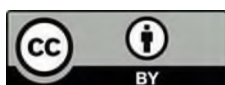

34. Piff P. K., Stancato D. M., Côté S., Mendoza-Denton R., Keltner D. Higher social class predicts increased unethical behavior. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2012, vol. 109 (11), pp. 4086-4091. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1118373109>
35. Tangney J. P., Baumeister R. F., Boone A. L. High self-control predicts good adjustment, less pathology, better grades and interpersonal success. *Journal of Personality*, 2004, vol. 72 (2), pp. 271-324. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.0022-3506.2004.00263.x> DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0022-3506.2004.00263.x>

Submitted: 31 March 2025

Accepted: 10 May 2025

Published: 30 June 2025

This is an open access article distributed under the [Creative Commons Attribution License](#) which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

The authors' stated contribution:

Aleksandra R. Zagladina

Contribution of the co-author: collecting empirical material, performing statistical procedures, formatting the text of the article.

Anna M. Bushueva

Contribution of the co-author: collection of materials, literary review.

Aleksander A. Maksimenko

Contribution of the co-author: organization of the study, concept and design of the study, interpretation of the results and general guidance of the study.

All authors reviewed the results of the work and approved the final version of the manuscript.

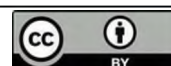
Information about competitive interests:

The authors declare no apparent or potential conflicts of interest in connection with the publication of this article

Information about the Authors

Aleksandra Romanovna Zagladina

Intern researcher at the Lab of Anti-Corruption Policy,
HSE University,
Moscow, Russian Federation. bld. 20,
Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-0929-5753>
E-mail: zagladina.ar@gmail.com

Anna Mihailovna Bushueva

Candidate of the degree of Candidate of Sciences,
Department of General and Social Psychology,
Kostroma State University,
village New, 1, 156012, Kostroma, Russian Federation.
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-2492-5568>
E-mail: a.m.bushueva@yandex.ru

Aleksander Aleksandrovich Maksimenko

Dr (Sociology), PhD (Psychology),
Chief Researcher at the Lab for Anti-Corruption Policy,
HSE University,
Moscow, Russian Federation. bld. 20,
Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>
E-mail: maximenko.al@gmail.com